

A large, abstract red splatter or ink blotch graphic, resembling a bloodstain or a splatter of paint, is positioned in the upper half of the cover. It has several sharp, radiating lines extending from a central point.

**СЕРГЕЙ
ТЕПЛЯКОВ**

ДВУЛЛЕР

книга о ненависти

литературная серия
«ПРО НАШУ ЖИЗНЬ»

Двуллер

Сергей Тепляков

Двуллер. Книга о ненависти

«Автор»

2011

Тепляков С. А.

Двуллер. Книга о ненависти / С. А. Тепляков — «Автор»,
2011 — (Двуллер)

«Двуллер» – это повесть о нашей сегодняшней жизни. Жизнь не стоит ни гроша. Ненависть переполняет сердце. Закона нет, а правоохранительные органы погрязли в воровстве и личных разборках. Если закона нет для одних, то в конце концов его нет ни для кого...

© Тепляков С. А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	26
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Тепляков

Двуллер. Книга о ненависти

Часть первая

Глава 1

– Вот это встреча! Вот это встреча! – трое мужиков, не стесняясь прохожих, обнимались прямо на тротуаре в предновогодний день 29 декабря 1994 года. В витринах светились елки, блестела мишура. Мимо мужиков плыла в обоих направлениях озабоченная толпа с кулками, пакетами и разноразмерными коробками. Это был первый после экономического кризиса год, когда народ вдруг понял, что полегчало и после покупки еды еще остаются кое-какие деньги. И тогда город охватила подарочная лихорадка.

Мужикам было лет около сорока – может, чуток за сорок. Двое были одеты в теплые куртки, какие носят летчики. В городе с советских времен оставалось летное училище, поэтому летной курткой здесь никого было не удивить. А вот третий впечатлял: ухоженный, в хорошей дубленке нараспашку, в наглаженных брюках, в лакированных туфлях, с уложенными волосами – похоже было, что он разбогател недавно и с тех пор поспешно исполняет разные свои мечты. Одна такая мечта стояла на дороге – большой черный джип.

– А ты, Сашка, судя по всему, поменял самолет? – прищурился на джип один из тех, что в куртке.

– Ну да! – горделиво ответил мужик в дубленке. – Только-только купил. Джип «Гранд-Чироки». Сказал бы, что это мечта детства, но кто из нас в детстве об этом мечтал?!

И все захохотали. Мужик в дубленке хохотал при этом громче своих товарищей: за всех, и для всех – и для друзей, и для прохожих. Прохожие взглядывали на него, переводили глаза на джип, но в общем-то завистливо не вздыхали – ну джип и джип, эка невидаль. Еще недавно на появившиеся в городе первые иномарки (два стареньких поцарапанных и дребезжащих «Ниссан-Патруля»), хозяева которых гордо ездили по главному проспекту кругами, оглядывались все. Но теперь крутых (или выглядевших как крутые) тачек было столько, что народ, наконец, привык. Мужика в дубленке это, похоже, не радовало.

– Да уж, – сказал тот из мужиков в куртках, который был с усами. – В детстве мы все мечтали быть космонавтами.

– Не скажи, – сказал второй мужик в куртке, с худым лицом и длинным носом. – Я мечтал стать милиционером.

– А я, – начал мужик в дубленке, – не поверите, мечтал мороженым торговать. И ведь почти сбылось – торгую. Правда, мясом!

– Ну так оно же мороженное? – спросил усатый. Он засмеялся, прищулив глаза, и хлопая товарища по плечу, сказал: – Мечты сбываются, Саня!

Ураганов (так звали мужика в дубленке) усмехнулся, но видел, что товарищи подшучивают над ним по-доброму.

– Ребята, а поехали посидим где-нибудь, за встречу поднимем по пятьдесят грамм! – понизив голос, заговорщицки сказал он. – Если ваши бюджеты этого не предусматривают, так беру все на себя. Без обид! Могу же я как нэпман угостить защитников Родины!

– Ураган, если в недорогое место, то мы и сами за себя заплатим... – проговорил усатый.

– Ну что значит – недорогое? В чебуречную что ли пойдем? Чебурек и полстакана водки? Двадцать лет не виделись, и в чебуречную?! – расстроился, и довольно натурально, Ураганов.

Усатый посмотрел на него. Усатого звали Георгий Зощенко. Он был майор авиации в запасе, и вместе с Урагановым и другим мужиком в куртке, Михаилом Кутузовым, когда-то давно учился на одном курсе в здешнем летном военном училище. Зощенко и Кутузов потом стали летчиками, а вот Ураганов, говорили, летал недолго – выбрал другой маршрут. «И не прогадал», – без злобы – а чего злиться? – подумал Зощенко.

– Ты как, Михаил? – спросил Зощенко.

– Да чего ж, 20 лет не виделись – можно и посидеть... – ответил Кутузов. – Немножко денюжат на это и у меня есть. А если не хватит, тогда и попросим господина нэпмана о ссуде.

– Ребята, бросьте вы. Как не родные... – заговорил Ураганов. – В машину, в машину! У меня там такая консоль – не хуже, чем в нашем штурмовике!

Они залезли в джип. Ураганов тут же врубил музыку и свет – так, чтобы засветились бесчисленные кнопки на панели приборов. Внутренности машины впечатляли: кнопки сияли синим, желтым и красным.

– Даааа... – протянул Зощенко. – Ты уже все кнопки тут помнишь? Катапульта где?

– Катапульти нет! – засмеялся Ураганов, поняв, что товарищи поражены до глубины души, хоть и скрывают это. – Но есть айрбаги – воздушные подушки.

– Парашюты что ли? – это Кутузов, хоть и понимал, о чем речь, прикинулся наивным деревенским парнем.

– Подушки безопасности. Чтобы при аварии ты не мордой в лобовое стекло попал, а в подушку... – начал объяснять Ураганов, понял, что товарищи только прикидываются дурачками, но все равно продолжил объяснять – так ему это нравилось. – Вот эти кнопки – кондиционер. Вот эти – наклон кресел. Вот это – теплый воздух в ноги. А если вот так – теплый воздух в лицо. А какой здесь звук, братцы!

Он включил. Густой чистый звук, от небольшого пространства автомобиля казавшийся еще гуще и чище, заполнил салон. Играли скрипки.

– Ураган, ты полюбил классику? А как же «Я московский озорной гуляка!»? – спросил Кутузов.

– Да вчера девчонку одну подвозил с филфака, решил блеснуть эрудицией... – отвечал Ураганов.

– Так ты бы поставил как раз «Я московский озорной гуляка» и пояснил бы ей, что это не блатняк, а Есенин. Вот и блеснул бы! – не удержался Зощенко.

– Вот не зря у тебя было прозвище Писатель! – усмехнулся Ураганов. – Есенин! Придумал тоже...

Кутузов улыбнулся в усы, поудобнее устраиваясь на кожаном сиденье. «А хорошо устроился Ураган... – подумал он. – Как это сейчас говорят – раскрутился?»..

Сам Зощенко только недавно вернулся в родной город из Москвы, где пытался преподавать в летной академии. Уехал оттуда от нищеты – денег не платили, офицеры таксовали или работали сторожами в саунах. Зощенко, боевой летчик с тремя орденами за Афганистан, все же в сторожа пойти не мог – претило. Между тем, семья – жена и двое детей – хотели есть. Тут в родном училище предложили место преподавателя и он согласился – на родине, казалось ему, перемочься будет проще. Однако и здесь не вышло – без него было много желающих на это относительно теплое место. Из училища пришлось уйти и теперь вся семья Зощенко кое-как жила на его пенсию. За пенсией-то и пошел Зощенко сегодня с утра.

Вся пенсия уже заранее была тщательно распределена им: сколько оставить на прожитье, а сколько потратить на подарки, чтобы напомнить родным, что жизнь все-таки прекрасна. Не то чтобы кризис давил их совсем, но все-таки пока Зощенко служил, а тем более воевал, семья его жила иначе – привыкли к чекам Внешпосылторга, к магазинам с товарами не для всех. Зощенко нет-нет, а думал, что за шубейку для жены, за спортивный костюм для сына заплачено кровью. Было неприятно.

Нынче Зощенко купил сыну модель самолета, которую надо было клеить. (Когда покупал, предвкушал, как они вместе будут клеить его и как он будет объяснять сыну, для чего в самолете то, и для чего это). Самолет был большой – сыну должно было понравиться. В последние годы Афганской войны семья Зощенко жила в азербайджанском городке Ситал-Чае, туда же незадолго до окончания войны перебазировался полк, летавший на боевые задания уже с территории СССР. Зощенко помнил, какими глазами сын смотрел на самолеты. Он и сам смотрел на них так же. Георгий любил свой штурмовик, разговаривал с ним перед боем и в бою. Он считал, что это железо имеет душу. Иногда дотянувшие до аэродрома самолеты были в таком виде, что никакого материалистического объяснения тому, как он долетел и как сел, быть не могло. Зощенко знал, что самолет – это его боевой товарищ, и в бою он его не продаст.

Зощенко было жаль, что вот так кончилась его служба. Он не очень понимал, чем ему теперь заниматься. Жена молчала, но он понимал, что когда-нибудь она заговорит с ним о том, как жить и на что жить. Сын учился в последнем классе школы, дочери было восемь лет. Жена устроилась работать в детский сад. Денег там почти не платили, зато она приносила домой в бидончике еду. Зощенко понимал, что это осталось от детских обедов и ел это с трудом.

Нынешний Новый год был каким-то просветом. У Зощенко образовалась кое-какая заначка (подработал ремонтом машин), да тут еще пенсия – он полагал, что получится немного развеселить домашних. Жене купил халат – такой, что заранее улыбался в усы, представляя ее в нем. Дочери – куклу. И еще – киндер-сюрприз. Георгий видел, как она на них смотрит, как радуется и шоколаду, и сюрпризу в пластмассовом яйце. Но железный кулак, в который был зажат семейный бюджет, ради киндер-сюрпризов разжимался редко. Нынче он решил – кутить так кутить! – и купил их два.

Кутузова он встретил в сберкассе. Кутузов в училище имел вполне объяснимое прозвище Фельдмаршал, но как и Зощенко дослужился лишь до майора – после развала СССР вылетел из армии вместе со многими другими. Кутузов был одинок – жена ушла от него еще во время его службы в Афганистане, сказав, что душманы видят ее мужа чаще, чем она. Кутузов и до этого не был душой компании, а после и вовсе замкнулся и жил от дома до аэродрома и наоборот. Теперь и вовсе остался один дом. При этом характер Кутузов имел жесткий, и казался всегда закрученным на все гайки. Даже про его историю с женой Зощенко, друживший с Кутузовым с училища, узнал со стороны.

Вместе они пошли по магазинам. Из того, что Кутузов, сделав каменное лицо, купил что-то в отделе женского белья, Зощенко сделал вывод, что жизнь у товарища налаживается, и порадовался за него – одному нынче было не вмоготу. Зощенко радовался тому, что у него есть семья. Особенно любил дочь. Нынешней зимой он начал учить ее кататься на коньках. Так как жена была категорически против – «нос расшибет! головой ударится!» – да коньки были к тому же незапланированный расход, то он прятал их в старой стиральной машинке, а на каток они с дочерью выходили под предлогом прогулки, имея такой заговорщицкий вид, что Зощенко все не мог понять – как жена еще не раскусила их «тайну»? Впрочем, может и раскусила – она тоже понимала, что у ребенка должно быть детство. Даже если в стране кризис и полная задница, детство быть должно.

Зощенко задумался о дочери, представляя, с какими глазенками она увидит куклу. Ураганов между тем не переставал рассказывать о машине: объем двигателя, литры на сто километров, проходимость: «Да вы знаете, по каким колдобинам я на ней проезжал?! Армейский «Урал» отдыхает». Зощенко подумал, что вот и у Ураганова есть игрушка, и усмехнулся. Они ехали по главному проспекту в этом городе.

– Куда это мы? – спросил Зощенко.

– Тут на рынке я знаю отличное местечко! – сказал Ураганов.

– Ребята, только так, чтобы к шести вечера я был дома... – вставил Кутузов.

– Ого, Миша, а тебе снова есть перед кем отчитываться?! – изумился, подняв брови, Ураганов. Тактичность, впрочем, никогда не была его коньком – он с юности был в образе разухабистого парня, которому прощается если не все, то больше, чем остальным. Ему и на самом деле прощали больше, чем остальным. Вот и сейчас Кутузов, вместо того, чтобы обидеться, вдруг усмехнулся и на скулах его Зоценко с удивлением увидел румянец. «Надо же! Краснеет наш Фельдмаршал!» – подумал Зоценко.

– Есть... – медленно ответил Кутузов и против воли улыбнулся.

– Ого! – закричал Ураганов глядя на товарища в зеркало заднего вида. – Так вот же и еще повод!

Они подъехали к кафе и вошли. Ураганов, то ли решив пожалеть карманы товарищей, то ли желая минимизировать свой расход, выбрал кафе средней руки. Однако по сравнению с совсем недавними советскими забегаловками типа «тошниковка» здесь было очень даже ничего: деревянные столы и скамьи, большая стойка, официанты. Зоценко разделся, прошел, сел с товарищами за столик и почувствовал, как он от всего этого отвык. «Давненько я не был в таких местах»... – подумал он.

За столами все как один провожали старый год, пили за наступающий новый, и потом снова начинали провожать. Принесли меню. Зоценко и Кутузов честно признались, что ничего в нем не понимают и предложили заказывать Ураганову. Тот, изучив текст, подозвал официантку и что-то зашептал ей на ухо. Когда официантка вернулась с подносом, Кутузов и Зоценко поняли, что товарищ шептался, чтобы не смущать их роскошью заказа: красная рыба, красная икра, коньяк «Наполеон», что-то еще в мисочках и сковородочках – Ураганов, видать, не мог сдерживать новоприобретенных купеческих привычек.

– Ураганыч, ты полегче... – сказал с легким беспокойством Кутузов. – Я-то хотел, чтобы деньги еще остались, а за такой стол нам здесь придется тарелки мыть...

– Брось. Я в это кафе поставляю мясо, так что нам посчитают как хорошим друзьям! – ответил Ураганов.

– Ого! – сказал Зоценко. – «Поставляю мясо» – как звучит!

– Нормально звучит, – ответил Ураганов. – Гордо звучит. Авиация – это, конечно, хорошо. Но в авиации сейчас не проживешь. Вы знаете, что в самолетах теперь не кормят? Экономия. И салоны почти пустые – я когда в Москву летаю, ухожу во второй салон, убираю поручни и ложусь спать на целый ряд.

Тут они отвлеклись – принесли салаты. Разложили по тарелкам, налили по первой, Ураганов хотел было провозгласить проводы старого года, но Зоценко поправил его: за встречу! Выпили за встречу. Стало тепло – и в теле, и в душе. Из юности подул теплым ветром – вспомнилась старая столетняя, царской постройки, казарма и то, как лазили в самоволки по ветвям росших под окнами кленов. Замолчали.

– А как же ты в торговлю попал? – спросил наконец Кутузов – ему и правда интересно было, сам себя он в торговле не представлял.

– Базар, базар, все на базар! – с силой сказал Ураганов. – Я в 1992 году, как Гайдар разрешил торговлю, чуть не в первый день пошел торговать. Ничего же не было. Сначала пошел на базар, за прилавок, на снегу весь день стоял, только картонку на землю бросишь и стоишь. Базарный день начинался с того, что ходишь по базару и себе картонку ищешь. А ночами с напарником стол в очередь караулил, чтобы с хорошего места не оттащили. А ведь зима! Чуток подзаработал, чуток занял. Машинами возил муку, с машин же и продавал. Как-то узнал, что у товарища есть вагон сахара. Покупатели на него стояли в очередь! Я после этой сделки в первый раз видел целый багажник денег! И сейчас торгую. Мой вам совет – торгуйте только едой! Потому что кушать люди хотят минимум три раза в день. И еда должна быть без понтов – макароны, гречка, тушенка. А то был у меня знакомый – все пытался торговать элитными сортами кофе. Элиты в стране нет, а он для нее кофе приготовил!

Ураганов засмеялся. Друзья его тоже засмеялись, переглядываясь – с таким жаром Ураганов рассказывал о тех вещах, которые Зоценко и Кутузов считали неинтересными, неувлекательными.

– Да ладно, ребята, что я все про макароны! – вдруг спохватился Ураганов. – Вы-то как?

Зоценко и Кутузов переглянулись. Про это «вы-то как?» можно был снимать фильмы и писать книги. После вывода советских войск из Афганистана их полк штурмовиков Су-25 стоял в Азербайджане пока тот не объявил о независимости. Азербайджанцы врывались в гарнизоны, расстреливали ради оружия караулы. Зимой 1992 года в Ситал-Чае в караул ходили только офицеры, а смена караулов проводилась так: пока начкары проверяли все ли на месте, караульные с машин непрерывно стреляли во все стороны – приучали азеров не соваться.

По всему выходило, надо уходить. С Россией был подписан договор о разделе имущества, но как-то так по нему выходило, что России оставались только старые, пятидесятых годов, учебные самолеты Л-29 «Дельфин», на которых, говорили, учился летать еще Герман Титов. «Сушки» по договору доставались Азербайджану и было понятно, для чего – воевать в Карабахе. В Насосной командир полка перешел к азербайджанцам. Когда там поняли, что самолеты достанутся Азербайджану, техники врубили двигатели и стали бросать камни в двигатели «сушек», калеча своих боевых друзей, чтобы они не стали врагами. Азеры расстреляли техников. Но «сушка» досталась им всего одна – та, на которой перелетел из Ситал-Чая Вагиф Курбанов. К тому времени ситалчаевский полк частью уже был в России, оставалось главное – штурмовики. Они должны были улететь своим ходом в Астрахань. Но азербайджанцы решили оставить их себе, и однажды днем обложили военный город установками «Град». Однако первое звено «сушек» поднялось и начало заходить на «Грады» в атаку. Только командир отменил атаку, сказав, что для «Градов» идет из грузинского города Вазиани звено «Мигов». «Миги» разнесли азеров с первого захода.

«Рассказать Ураганову про это? – думал Зоценко. – Или про то, что улетели не все, и азеры потом заставляли наших летчиков летать в Карабах, держа в заложниках семьи и отпускаемая по одному: за пять боевых вылетов отпускали ребенка. За десять – жену. За пятнадцать вылетов разрешали уехать самому. Да не все и тяготились – никому ведь летчики не были нужны. Бросила нас страна».

Они молчали. Ураганов, удивленный этим молчанием, смотрел на товарищей.

– Слушай, Ураган, Бог с ними, с фронтовыми воспоминаниями... – сказал Зоценко. – У нас как раз третья. Давай ее выпьем молча. За тех, кто теперь навечно в небе.

Кутузов кивнул. Ураганов посмотрел на разом помрачневших друзей, взял бутылку и налил из нее по полной стопке. Тут они встали. Все кафе замолкло, глядя на них. Видели, что это не братки поминают своего, и понимали, что это – про войну. Ураганов глянул в сторону стойки и бармен приглушил музыку. Они посмотрели друг другу в глаза и выпили. После этого постояли еще и сели. Кафе еще помолчало – даже не кашляли. Потом бармен включил музыку погромче, и Ураганов кивнул ему – давай, что же теперь, Новый год, в конце концов!

...Выходили из кафе когда уже темнело. Базар сошел на нет – только ходили по рядам бомжи в надежде найти недоеденный беляш, недопитую бутылку, а то и – джек-пот! – позабытую торговцем сумку с товаром, бывало и такое. Зоценко вдыхал не по-зимнему теплый воздух и думал, что денек вроде получился неплохой. Вот сейчас приедет домой – детям подарки, жене – новый халат, а там, глядишь, и ему, Зоценко, чего обломится. От этой мысли Зоценко стало горячо – жену свою он любил до сих пор как пацан.

Тут подошел задержавшийся из-за расчета Ураганов. Хоть и напоминали ему время от времени друзья, что он вообще-то за рулем, но выпил Ураганов разве что совсем чуток меньше других. Он был в веселом добродушном настроении.

– Потому-потому что мы пилоты! – вдруг запел Ураганов. – Небо наш, небо наш любимый дом!

Это была строевая песня их взвода. Зоценко начал подпевать. Подошел Кутузов и тоже запел.

– Первым делом, первым делом – самолеты! – пропел Ураганов.

– Ну а девушки? – пропел, лукаво улынувшись, Зоценко.

– А девушки? – Потом! – развел руками Ураганов. И все трое захохотали.

– Эге, граждане, нарушаем... – вдруг раздалось сзади.

Зоценко оглянулся. Сзади них стояли двое милиционеров. «Вот черт... – подумал Зоценко. – Сейчас привяжутся».

– Товарищ сержант... – начал Ураганов, разглядевший лычки старшего. – Да мы ж трезвые.

– А вот давайте сейчас проедем, а там и разберемся... – сказал сержант. У него было длинное лицо с капризными губами. При взгляде он задираг голову и получалось, что всегда он смотрит свысока. Похоже было, что и говорить он привык свысока, и сейчас разговор на равных дается ему с трудом.

– Да чего разбираться, командир? – заговорил Ураганов тем фамильярным тоном, которым он привык улаживать подобные дела – а их, что и говорить, в последнее время было немало. – Давай мы пойдем, а? Новый год ведь, командир. Всех дома ждут. Вон, видишь, моя машина стоит – мы дойдем и поедем на ней тихо-тихо. Ну или давай мы тачку поймаем... А вы и не заметили ничего, хорошо?...

При этом Ураганов опустил руку в карман и – заметил Зоценко – достал оттуда что-то. Ну а что это могло быть – конечно деньги, понял Зоценко.

Косившийся на этот же карман сержант в этот момент заметил, что Ураганов вытащил несколько бумажек из пачки, составлявшей почти наверняка годовую его сержантскую зарплату. «Жирует, сволочь!» – подумал сержант.

– Нет. Поедем. Грузитесь.

Зоценко поморщился – ну неужто нельзя по-людски? Чего такого удивительного, если 29 декабря люди выпили?

– Мужики, ну нас же дома ждут... – начал Зоценко и тут же понял, что допустил промашку: если урагановское обращение «сержант» и «командир» милиционер еще как-то сносил, то от «мужики» явно дернулся.

– Без разговоров! – скомандовал сержант. – Карташов, загружай их, чего стоишь!

Второй милиционер, вроде и побольше размерами первого, но явно неуклюжий и неповоротливый, пошел к ним, поскользнулся, покотился, и с размаху врезался в ничего не понимающего Кутузова.

– Ни хрена себе! – сказал сержант. – Это мы что, милиции сопротивляемся? Представителя закона толкаем?

– Да ты что, командир, он же сам упал... – начал Ураганов, но сержант тут же прервал его:

– Рот закрой. А то ты у меня сам упадешь.

Зоценко хмуро смотрел на это и понимал, что они не выкрутятся. «Далось же Урагану это кафе... – подумал он. – Надо было к нам ехать. И как я не подумал?».

– Ладно, полезли... – сказал Зоценко. Один за другим все трое залезли в «собачатник». Там уже сидели двое, так что устроились кое-как. «УАЗ»-ик тронулся, подпрыгивая на каждой кочке.

– Твою мать! – сказал Ураганов. – Ладно, ребята, не дрейфьте, сейчас в трезвяк доедем, там я с начальником поди уж решу. Этот сержант какой-то упертый попался...

Зоценко вспомнил странный взгляд сержанта и на душе стало беспокойно. Взгляд был как у обкуренных гашишем афганцев, от которых никогда не знаешь чего ждать. Вряд ли сержант обкурился гашишем – откуда бы его взять? – но взгляд был такой же, один в один...

Глава 2

Трезвяк находился неподалеку. Это было старое двухэтажное деревянное здание, в прошлом, видимо, какой-то купеческий дом, приспособленный под вытрезвитель еще в советские времена. От дверей через коридор дорога вела прямо в большой зал, в углу которого стоял стол дежурного, а за ним – что-то вроде комода со множеством одинакового размера ящичков (в них дежурный раскладывал изъятые у «посетителей» документы, ключи, разные ценности и деньги). Влево от этого зала, который сами работники трезвяка называли «приемный покой», был еще один коридор, с камерами (официально они именовались «палатами» – все же по изначальной задумке вытрезвитель имел статус медицинского учреждения). В конце этого коридора от стены решеткой было отгорожено небольшое, шаг в ширину и два в длину, пространство – это был карцер для буйных. В карцере можно было только сидеть или лежать, свернувшись. Впрочем, этим неудобства и ограничивались – в карцере, как и везде, имелись трубы отопления.

Первых «посетителей» начали привозить после двух часов дня. Народ в основном был приличный – в хороших пальто и куртках. Такой отбор объяснялся как тем, что о завшивленных бродяг никому не хочется руки марать, так и тем, что в карманах у бродяги пусто, а вот у приличных граждан, да еще и в такой день – густо. Предновогодние дни считались урожайными и за возможность попасть в смену на эти дни (только не 31-го) среди персонала шла некоторая драчка.

Дежурить 29-го выиграл капитан Константин Котенко. Ему было 32 года. Внешность он имел обычную: короткая стрижка – как у всех, средний рост – как у всех, небольшое пузцо – тоже как почти у всех. На смену он заступил не выспавшись (за полночь с женой и тещей лепили пельмени впрок на все праздники), и, приняв дела, тут же прикорнул в подсобке до появления первых задержанных. Задержанных, однако, стали привозить рано, Котенко разбудили, и теперь он сидел за столом сонный, недовольный, раздраженный всем и на всех. Однако куда деваться – служба. Да еще главнее этого соображения была мысль о том, что такой день год кормит: Котенко рассчитывал существенно пополнить за эти сутки и семейный бюджет, и свою заначку.

Большую охоту предвкушал не он один: когда Котенко заглянул в холодильник и удивился, почему он до сих пор пустой, сержант Давыдов ответил: «Да вы подождите, товарищ капитан, сейчас через три-четыре часа «рыба» косяком пойдет, и в холодильнике у нас все будет!». Давыдов заржал, а Котенко усмехнулся – ну да, точно, сейчас пойдут косяком.

Антон Давыдов был тем самым сержантом с длинным лицом и капризными губами, которого вечером у бара разглядел Зоценко. Котенко знал, что папа у Давыдова в больших милицеских чинах, вся их семья живет в хорошем доме, построенном специально для милицеского начальства (в советские времена в арке при въезде во двор стоял шлагбаум и был пост). Для Давыдова по жизни была раскатана красная коврая дорожка. Идти бы ему по ней и идти, ан нет – на втором курсе юрфака Давыдов попался на торговле анашой и какими-то таблетками. Добро бы торговал один, но оказалось, что он из своих однокурсников сколотил целую сеть. Давыдова не посадили, и даже дело не завели – папаша помог – но из университета турнули. Отец устроил Антона в милицию (формально-то Антон был чист) – пересидеть год-другой, а там, может, и восстановят. Давыдова вообще сильно разозлило то, что из-за такой фигни пришлось уйти из вуза. Свою злость он кое-как сбрасывал в спортзале – занимался каратэ. Трезвяк нравился ему еще и тем, что на задержанных можно было отрабатывать новые удары.

Котенко знал историю Давыдова и в душе считал его просто идиотом – упустить такой шанс, прыгнуть с такого поезда, променять СВ на общий вагон! Давыдов храбрился и говорил, что все будет хорошо, он, мол, своего не упустит, но Котенко считал, что нет, не будет у

этого дурака второго шанса. Сам Котенко был из деревни, благосостояние складывал по кирпичику. Жил сейчас с женой и маленькой дочкой в тещиной квартире – а куда деваться? Теща и жена пилили его за некультипистость, тыкали в глаза тем, «как другие живут!». Котенко шел в милицию, чтобы быть Анискиным, таким же добрым, мудрым милиционером, перед которым трепещут жулики. Однако у сыщика был голый оклад, а жена откуда-то прознала, что в вытрезвителе у пьяниц по карманам можно нашарить на кооперативную квартиру. Про Анискина пришлось забыть – в трезвяке Котенко дежурил уже третий год. Привык. Да и в карманах и впрямь много чего оседало.

Пока улов был невелик – народ как на подбор попадался уже после «шопинга» (Котенко недавно узнал это слово от жены), с почти пустыми карманами, а подарки все были на одно лицо – куклы, машинки да женские трусы. Только у одного, солидного, толстопузого, с седой аккуратной бородой, оказался красный бархатный футляр с золотой цепочкой. Котенко, увидев цепочку, сразу решил, что подарит ее жене – и пусть она еще заикнется про некультипистость!

Но около семи вечера стукнула дверь и в «приемный покой» первым почти вбежал Давыдов. Глаза его горели и весь вид был такой, будто он вот только что видел Аллу Пугачеву.

– Товарищ капитан... – зашептал он. – Таких мужичков взяли сейчас возле кафе на базаре – это просто класс! Двое – так, а вот один – полные карманы. Оформляйте!

Котенко кивнул с видом «Это ты, салага, меня учить будешь?!», и приготовился к обычному спектаклю. В помещение ввели троих мужиков. Котенко сразу понял, у кого из них по выражению Давыдова «полны карманы» – вон он, в дубленке, с уложенной волосок к волоску прической. Мужики и правда были хмельные – не так, чтобы очень, но и не таких устраивали на протрезвление.

Зоценко, Кутузов и Ураганов оглядывались. Зоценко с тоской чувствовал, что все идет наперекосяк. «Потеряют ведь, Лиде (так звали жену) никогда и в голову не придет, что я в трезвяке... – думал он. – Да еще и подарки растащут...» – Зоценко слышал много нехороших историй про трезвяки.

Оставалось надеяться только, что Ураганов как-то уладит дело с дежурным. Но при взгляде на дежурного Зоценко почувствовал сомнение.

Следом за ними зашел второй милиционер (тот самый, на которого налетел Кутузов), и водитель явно предпенсионного возраста. Они начали отряхивать шапки и сапоги от снега, полезли греться к батарее.

Оформление шло своим чередом. Котенко выпрашивал фамилию-имя-отчество, приказывал выложить все из карманов на стол, перекладывал все это по пронумерованным ящичкам и прикреплял к документам номерки, чтобы потом разобраться, где чье добро. Зоценко, глядя на эту бюрократию, начал уже надеяться, что пронесет – и подарки не потырят, и денег всех не отберут – ну, может, часть. «Да и ладно»...

– решил он, и тут же, поймав себя на этой мысли, подумал язвительно: «Эх ты, боевой офицер»... С другой стороны – а что было делать?

Тут очередь дошла до него. Котенко не поднимал головы. Зоценко решил держаться на грани – не лебезить, но и не качать права. Правда и сам не знал, получится ли это.

– Товарищ капитан, мы же трезвые все...

– сказал Зоценко. Котенко поднял на него глаза.

Глаза были как из бронестекла. Зоценко затосковал. На армейской службе всю психологию заменяют приказы и взыскания. *Договариваться* Зоценко не умел совершенно.

– Товарищ капитан... – высунулся сбоку Ураганов, – мы афганцы, участники, понимаете? Не виделись с училища, с летного. Да тут еще и дата – позавчера было 15 лет вводу войск в Афганистан. Ну был бы я пьяный – разве я запомнил это все?

Ураганов засмеялся, но так вышло, что засмеялся только он один. Ураганов понял, что все идет как-то не так. Он готов был уже прибегнуть к обычному своему оружию – к деньгам, не подводившим его до сих пор никогда. Но понимал, что при всех менты не возьмут.

– Товарищ капитан, а мы могли бы наедине перекинуться парой слов? – просительно заговорил он. Однако Котенко на него так и не посмотрел.

– Трезвые... Трезвые... – проговорил он. – А вот нам сейчас медицина авторитетно скажет. Нина Федоровна!

– А?! Что?! – на крик из двери с надписью «Медсестра» с наигранной веселостью и всегда-на-все-готовностью высунулась Нина Федоровна Уткина, медсестра вытрезвителя, дама лет сорока, от взгляда на которую у Зоценко сразу заныло в душе. Высокая и – по фигуре видно – когда-то стройная, она в молодости была очень даже ничего и явно не могла этого забыть. При своем возрасте она все играла в юную девчущку. Халат, обтягивавший массивное тело, был растянут и сверху и снизу больше нужного. Двигалась едва ли не вприпрыжку, что при ее массе выглядело как минимум странно. Зоценко много видел таких по гарнизонам.

– Ох, Константин Павлович, – начала она от двери. – Я прям от вашего голоса вздрогнула! Мы-то с подружками еще вчера начали старый год провожать, да всю ночь, да не одни...

При словах «да не одни» она деланно сконфузилась, давая понять, что ночь была такая бурная, такая... вы же понимаете... Та часть очереди, которая была потрезвее, смотрела на нее круглыми от удивления глазами. Котенко и остальные из персонала даже не заметили ее слов – привыкли.

– Вот, Нина Федоровна, – сказал Котенко скучающим голосом, – граждане считают, что они трезвые...

– А у нас все считают, что они трезвые! – хохотнула Уткина. Тут она мазнула взглядом всех троих – Зоценко, Ураганова и Кутузова. Сразу заприметила и укладку, и дубленку Ураганова, но тут же с тоской подумала, что надо быть скромнее в желаниях, этот-то наверняка уже захомутан. Усы Зоценко и его синие глаза кольнули ее сердце. «Мой тип!» – подумала Уткина, хотя ее типом были все мужчины – все зависело от ситуации, от выпивки и закуски.

– Так... Присядьте пять раз и потом пройдите десять шагов туда и обратно... – велела она Зоценко.

«Только-то?» – обрадовался внутренне Зоценко и начала приседать. При этом он наполнился какой-то несвойственной ему веселостью, решив, что это все так, для проформы, начал играть, хоть и не хотел.

– А идти-то как, строевым?! – спросил он.

– Да как хотите... – скучающе ответил Котенко.

Зоценко хмыкнул в усы, подмигнул Кутузову, и пошел, чеканя шаг, как когда-то в курсантской молодости ходил по квадратам на плацу. На повороте его малость занесло – но и то, сколько лет не ходил, да и пол был явно чем-то натерт – в общем, он считал, что все вышло отлично.

– Ну вот видите, – все так же скучающе сказал ему капитан за столом, – вы же на ногах не держитесь...

– Да как же это не держусь?! – поразился Зоценко. – Там у вас просто скользко.

– Ага, скользко! – хохотнула Уткина. – Ты, мой сладенький, пьян в зюзю!

От этого всего – от «сладенького», от «зюзи» – Зоценко просто онемел. А тут еще Уткина вдруг подошла к нему и погладила по щеке, глядя на него эдаким томным киношным взглядом! Зоценко от прикосновения дернулся. А Уткина, отойдя, громче нужного проговорила:

– Я его глажу, а у него не встает! Явно пьян, товарищ капитан!

У всех в очереди опять округлились глаза, только милиционеры (разве что за исключением деда-водителя) покатались от хохота, хоть и привыкли давно к уткинским штукам.

– Вот и экспертиза! – сказал Котенко, смеясь. Потом посерьезнел и глянул на летчиков:

– Ну что, граждане, оформляемся? Раньше сядешь – раньше выйдешь. Вытрезвитель – учреждение гуманное, чтобы вы на морозе не уснули, в сугробе не замерзли. Поспите тут у нас и домой придете как огурцы. Это при старом режиме сообщали на работу и там вас могли лишиться премии. А нынче – перестройка, работы ни у кого нет, премий не дают, сообщать некуда, так что от вытрезвителя никаких проблем, одна польза!

При словах «одна польза» молодые менты у батареи как-то странно, о своем, засмеялись. Зощенко это не понравилось, но, как он понял, деваться было некуда. Он оглянулся на товарищей. Кутузов молчал, только желваки катались. Ураганов погрузстнел и даже как-то осунулся (он к тому же не мог понять – неужели его деньги здесь никому не нужны?!). «Да хрен с ними, давай переночуем», – прошептал другу Ураганов.

Зощенко мотнул головой – ладно, сдаемся! Он положил на стол перед дежурным пакет (Котенко мельком взглянул и понял, что ничего путного там нет – модель самолета надо еще клеить, халат его жене явно будет маловат, а кукла недорогая – за такую все его бабы его запилят). Зощенко выложил документы, остатки денег. Котенко все записывал и Зощенко успокоился: «Отдадут». Тут Ураганов, не терявший надежды на силу денег, зашел сбоку к Котенко и, наклонясь, зашептал в самое ухо: «Товарищ капитан, мы летчики, вот товарищи мои ветераны Афганистана, а позавчера, 27 декабря, было 15 лет, как война началась. Выпили за погибших братишек – сами понимаете». Но Давыдов, увидев это, дернулся так, будто на Котенко кто-то кинулся с ножом, и закричал:

– А ну-ка, ты, в дубленке – на место!

Котенко оглянулся на Давыдова, всем видом говоря: «Не дергайся, не отпускаю, не дурак».

Ураганов загрузтил совсем, и вместе со всеми стал сдавать документы. Деньги у него оказались во всех карманах – когда менты доставали их, Ураганов – Зощенко это видел – уже и сам удивлялся, откуда они все берутся и берутся. Удивлялись и менты. Зощенко при этом видел, что у молодых ментов глаза просто горят. Да и медсестра давала у стола круг за кругом. Это не понравилось Зощенко.

– Летчик, ты кольцо-то снимай... – вдруг сказал ему сержант.

– Чего вдруг? – спросил Зощенко.

– Положено... – отвечал сержант. – Некоторые умельцы кольцом себе вены вскрывают.

– Вот мне заняться больше нечем... – ответил Зощенко, еще думая, что все это не серьезно.

– Снимай-снимай... – сказал Давыдов. Вышло это у него с угрозой, и Зощенко, которого вся эта ситуация уже измотала, вдруг разозлился: какой-то сопляк ему, боевому офицеру, угрожает?!

– Слушай, сынок... – сказал Зощенко. – Я это кольцо в день свадьбы надел и с тех пор не снимал ни разу. И сейчас снимать не собираюсь.

– Ну-ну... – сказал Давыдов, улыбаясь. – Не снимешь?

От этого перехода на «ты» Зощенко вдруг рассвирепел.

– Не сниму! – ответил он, глядя на Давыдова исподлобья.

Давыдов вдруг мгновенно бросился к нему, схватил за руку и заломил.

– Ты чего, сука?! – простонал Зощенко.

– Товарищ капитан, запишите – оскорбление сотрудника при исполнении... – со смешком сказал Давыдов.

«Щас я тебя оскорблю!» – вдруг подумал Зощенко. Еще в курсантские времена их учили высвободиться от этого захвата. Зощенко всей массой тела бросился вперед и Давыдов, не ожидавший этого, потерял его руку. Второй молодой мент заржал.

– Чего ржешь, Карташов?! – крикнул ему Давыдов так зло, что тот поперхнулся своим смехом и замолчал.

Зоценко, перевернувшись, встал. Давыдов смотрел на него нехорошо. Второй молодой мент, Карташов, отошел от стены. Котенко полез в стол и достал дубинку. Дед-водитель оставался у батареи. Уткина от своей двери смотрела на все это с горящим от возбуждения лицом, как на бой гладиаторов.

Ураганов вдруг крикнул:

– Гриша, да отдай ты им это кольцо, они же утром вернут!

Но никто уже и не предлагал снимать кольцо: с трех сторон Котенко, Давыдов и Карташов разом бросились на него, скрутили и придавили к полу.

– Марков! Марков! Снимай с него кольцо! – кричал Котенко. Дед нехотя подошел и стал стягивать кольцо с пальца. Зоценко пытался стряхнуть всю эту ораву с себя, но не получалось – тяжелые были менты.

Дед в конце концов стянул кольцо. Менты, пыхтя, слезли. Зоценко встал, отряхиваясь, и не глядя по сторонам.

– Так, этих – Котенко указал на Ураганова и Кутузова – в камеру, а этого – он указал на Зоценко – в карцер!

– Пошли, летчик-залетчик! – сказал Давыдов, толкая Зоценко в плечо.

Запирая за ним дверь карцера, Давыдов вдруг сказал:

– А ты ничего! Хоть и в годах, а силен.

Зоценко от этого как-то мгновенно размяк.

– Был бы ты, сержант, один, да не при исполнении, фиг бы ты с меня кольцо снял... – сказал он с улыбкой, думая «Ну покувыркались, да и хрен с ним. Нормальные парни».

В карцере он попытался сесть сначала так, потом эдак, но ноги не вмещались никак, разве что если лежать, свернувшись даже не калачиком, а тугим рогаликом. «Вот ведь, – усмехаясь сам над собой и над всей этой ситуацией, подумал Зоценко. – Не помещаюсь»... В конце концов он как-то уселся, подогнув ноги, и постарался задремать.

Из «приемного покоя» слышались голоса – там заканчивали «оформление». История с Зоценко оказалась хорошим уроком – больше никто из задержанных прав не качал. Зоценко слышал, как гремят двери камер, слышал голоса. Задремать не получалось. Он открыл глаза и видел, как по коридору ходит Карташов, забрасывая в камеры синие, с тремя черными полосами в ногах, одеяла. «Ишь ты, армейские»... – удивился Зоценко. Из одной камеры кто-то жалостно просил его опустить, мол, жена дома одна с маленьким ребенком. «Ну так и сидел бы с ней дома, помогал!» – прокричал ему в ответ кто-то из «приемного покоя». Потом все утихло.

Глава 3

Собранные у «посетителей» сумки и пакеты Карташов по приказу Котенко отволок в подсобку. Там их начали потрошить – смотрели, где что, выбирали, что глянется. Претензий со стороны хозяев не опасался никто – обычно человеку говорили, что все свое добро он растерял еще по дороге в трезвяк и был задержан патрулем уже с пустыми руками. Был еще вариант: «Какие вещи, окстись, тебе приснилось все с пьяных глаз!». Даже те, кто был почти трезв, понимали, что не докажешь ничего, и отступались.

Котенко тем временем пересчитывал деньги. Сумма выходила приличная, очень приличная. По заведенному обычаю, он себе оставил треть, остальные две трети отдал Давыдову, чтобы тот поделил между другими. (Это были годы, когда в стране ходили миллионы: все были миллионерами, и почти все – нищими). Давыдов, пересчитав отданное, поразился котенковскому аппетиту. По его прикидкам, только из бесчисленных урагановских карманов денег было добыто столько, что всей команде трезвяка их хватило бы до Старого Нового года. Давыдов уже думал, что с этих денег купит себе хорошую кожаную куртку, а тут выходило, что если даже он не отдаст никому ничего, и то хватит лишь на рукава от этой куртки. «Вот сука скупая!» – подумал Давыдов о Котенко, прикидывая, как поделить остатки добычи, чтобы не обидеть себя.

Он вошел в подсобку, где конфискованными продуктами и выпивкой уже был накрыт стол.

– А вот и денежки наши пришли! – вскричала, увидев его, Уткина, уже давно сгоравшая от нетерпения.

Давыдов роздал деньги ей, Карташову и Маркову. Уткина, пересчитав, поморщилась, Карташов нахмурился, один Марков и взял деньги как-то нехотя, и сунул в карман, не считая.

– Не кривись, Димка, сейчас выпьем, и еще съездим, «порыбачим!» – сказал Давыдов Карташову. – Наливай!

Карташов взял большую бутылку импортной водки и разлил по стаканам.

– А вы чего, Николай Степанович? – спросил Давыдов Маркова, видя, что тот налил себе какого-то соку.

– Так я ж за рулем.

– Да бросьте! – засмеялся Давыдов. – Вас-то кто задержит? Давайте, полкапли...

– Неее... – сказал Марков. – Я лучше пойду машину погрею. Приятного аппетита.

Он вышел. Давыдов посмотрел ему вслед, пожал плечами и сказал:

– Ну хозяин – барин! А мы – выпьем! Ну, за то, чтобы у нас все было, и нам за это ничего не было!

– Ура! – закричала Уткина, выпила водку одним глотком и полезла целоваться к уворачивающемуся Давыдову. Уворачивался Давыдов и из брезгливости, а еще и потому, что в этот вечер обещала приехать к нему восемнадцатилетняя Алла с филфака местного пединститута. Девушка была из таких, которые Давыдова прежде отшивали. И даже не словом – а так, взглядом. Они были из другого мира. Давыдову и хотелось попасть в этот другой мир, но и свой – веселый, пьяный, гулящий – уж очень ему нравилось. Но Алла его чем-то зацепила.

Уткина каким-то чутьем угадала, что Давыдов думает о другой.

– Какую это ты шалаву ждешь? – сердито проговорила Уткина. – Поди какую-нибудь студентку тощую? Настоящая баба должна быть в соку!

Тут она расстегнула и так не очень-то застегнутый халат, показывая, что под ним у нее – только белье, явно к празднику купленный набор с лифчиком, трусиками и поясом с чулками.

– Ты посмотри на мою фигуру! – призывала Уткина. – Посмотри! Я чемпионка края по бальным танцам! Хоть сейчас тебе такой пасадобль сбациаю! Видишь, какие ноги, видишь!

«Офигела старуха!» – подумал Давыдов, отвел в сторону Карташова и зашептал ему:
– Диман, возьми Нинку на себя, а то она Алке космы-то точно повывергает...

Карташов знал, кого ждет приятель, поэтому тихо засмеялся, покачал головой, с веселым сомнением глядя на Уткину (она тем временем налила сама себе и выпила одна), но в конце концов сказал:

– Хрен с тобой. Но даже не знаю, как ты будешь рассчитывать.

– За мной не заржавеет! – обрадовался Давыдов.

Он вышел из подсобки. Котенко сидел за своим столом и смотрел телевизор. Перед ним стояла бутылка конфискованного коньяку, уже пустая на треть. «Что-то он сегодня гонит...» – подумал Давыдов о начальнике, хотя в общем-то ему было все равно.

– Мы с Марковым дадим кружок? – спросил он. Давыдов рассчитывал в этой поездке забрать Аллу.

– Ну давай. Порыбачь. Места в нашем отеле еще есть... – ответил Котенко. – А чего, один что ли?

– Карташов взял на себя медсестру... – с ухмылкой отвечал Давыдов.

– Ааааа! – со значением протянул Котенко. – Храбрый человек этот Карташов. Я уже давно не рискую. Она привязчивая. Она бы здесь по палатам ходила, если бы можно было.

– Ну а почему нельзя? – улыбнулся Давыдов.

– Ну так-то да... – поддержал шутку Котенко. – Нынче же капитализм. Кто нам мешает предлагать посетителям дополнительную услугу? Только, боюсь, посетители нас не поймут – подумают, что это мы их так жестоко, с особым цинизмом, мучаем.

Оба засмеялись.

– Ну ладно, – сказал Котенко. – Счастливой рыбалки. Поймай еще пару-тройку жирных карасей.

Давыдов вышел на улицу, на мороз и пошел к УАЗику, который тихо урчал под деревьями.

Водитель Николай Степанович Марков поморщился, увидев Давыдова. Он пошел сюда, чтобы доработать до пенсии, и, хотя и слышал, что в трезвяки «ссылают» со всей милиции всякое отребье, но такого не ожидал. Однако времена были голодные, выбирать не приходилось. Поэтому Марков и от своей доли «добычи» не отказывался. Поначалу эти деньги жгли ему руки, а теперь нет. Но жене об этих «премиальных» не говорил – было стыдно. Складывал все в кучку и отдавал в день зарплаты, будто получку повысили.

Происшествие с летчиком расстроило Маркова. «В каком дерьме приходится участвовать, в каком дерьме», – думал он. Его отказ пить и есть «конфискованное» был такой акцией протеста, только ему одному понятной и для него одного имеющей смысл, хоть и совсем небольшой – ведь деньги-то взял, не удержался.

Маркову было 58 лет, он рос в войну, и еще с тех пор хотел когда-нибудь пожить хорошо. В семидесятые было и правда неплохо – милицию тогда уважали. Марков купил дом, накопил на «Москвич», ездил на юг в милицейский санаторий. Но потом его жизнь пошла под откос вместе с жизнью всей страны. Первую зиму кризиса Марков с женой прожил на баклажанах. Потом развел в сарае кроликов. Хоть и жил в частном доме, но в городе, так что хозяйства никогда не держал, а тут пришлось. (Да что он – и в многоэтажных домах по подвалам кудахтали куры и кричали петухи, а некоторые на балконах держали свиней). Кроликов приходилось убивать Маркову. Он приспособил для этого бутылку от шампанского. Если кролика не удавалось убить с первого удара, он верещал. Маркова поражало, что остальные кролики в это время смотрели из клеток, сосредоточенно жуя. «Хотя чего я от них хочу? – думал иногда Марков. – Криков и демонстраций?»..

Марков и сам себе казался иногда кроликом. Жизнь прошла с проглоченным языком. Отца его, председателя колхоза, забрали, когда Маркову было три года. С тех пор он его не

видел. По возрасту подходило так, что отец мог быть убит на войне, и если в каком-то отделе кадров так и думали, Марков не уточнял. Потом тем более вышло послабление, членство семьи врага народа не помешало ему попасть в милицию. Но он привык оглядываться, привык помалкивать. Когда надо было за кого-то вступить, он замешкивался ровно на то время, которое требовалось ему, чтобы подумать, не станет ли от этого заступничества хуже ему, Маркову? В результате выходило так, что вступались другие. Только однажды, уже в милиции, попытался он не молчать. Дело было так: начальник, при котором Марков был водителем, отметив в РОВД чей-то день рождения, решил порулить сам. Марков отказывался пускать начальника за руль, но тот уперся: «Я буду рулить!». Марков сдался – а и поздний вечер был, думал, доедут. Они сбили насмерть велосипедиста, десятилетнего пацана. На суде Марков, решив, что надо говорить правду, рассказал, как все было, ничего не скрыл. Однако тот же начальник объявил, что он, Марков, затаил на него злобу за прошлогоднее лишение премии, и сейчас просто сводит счеты. Да и родителям пацана, как понял потом Марков, уже давно дали денег, и они начали говорить, что их сына сбила совсем другая машина. Марков не верил, что такое может быть, а нет – было. Тот начальник вышел сухим из воды и был сейчас генералом, заместителем начальника краевого УВД. Еще и поэтому Марков дорабатывал до пенсии водителем в трезвяке – работа получше и почище была для него закрыта.

Урок с велосипедистом окончательно научил Маркова жизни. Не встречать – было его правило. Он его соблюдал, хоть и мучился иногда потом большой совестью, как зубами.

Вот и с летчиком – можно было ведь усовестить молодежь, набросились на взрослого человека, воевавшего, – думал Марков, но чувствовал, что нету у него решимости для того, чтобы вступить. Выдавила из него жизнь эту решимость, как зубную пасту из тюбика.

Давыдов залез в машину.

– Николай Степанович, поедemте «порыбачим», – сказал он, закуривая, – а заодно давайте заглянем на улицу Советскую, человека заберем...

– Это кого ж? – удивился Марков.

– Да девушку одну... – не удержался Давыдов. – Хочу показать нашу экзотику.

«По карманам шарить – это экзотика? – подумал Марков. – Или втроем одного по полу катать – экзотика?».

Но, как всегда, промолчал. Они поехали.

Улицы были пусты. Город резал салаты, строгал оливье, лепил пельмени. Только ближе к центру на проспекте появился народ – с санками, с детьми – эти шли явно на городскую елку.

– Николай Степанович, может, завернем на елку, порыбачим?

– Один что ли рыбачить будешь? – проворчал Марков.

– А вы на что? Тоже в форме человек, целый старшина! – отвечал Давыдов. – Вдвоем и управимся. А то Котенко пожмотил, большую часть денег себе забрал.

Марков и хотел было сказать, что пропали бы они пропадом, эти деньги, но вспомнил (да и не забывал), что жене после нового года надо на операцию, а их и в хорошие-то времена даром не делали.

– Ну поехали, черт с тобой... – проговорил Марков.

Селки, где они выудили троих, довольно прилично одетых, и довольно прилично пьяных, граждан, они поехали, наконец, за Давыдовской подружкой.

Алла сама не знала, почему она согласилась встретиться сегодня с Давыдовым да еще и ехать куда-то на ночь глядя. Давыдов, правда, ее завораживал: было много мужской животной силы в его фигуре, лице, в его привычке свысока вприщур смотреть на людей. (Давыдов еще не забыл в разговоре упомянуть про каратэ, а в те времена каратисты были кастой избранных, то ли инопланетяне, то ли революционеры – ведь еще недавно за каратэ сажали в тюрьму). Давыдов решил удивить Аллу именно вытрезвителем потому, что в общем-то не знал, чем удивлять такую девушку. (Сходить с ней, например, в театр ему просто не приходило в голову).

Любую другую из тех, с кем он общался обычно, он бы просто подпоил, покормил, и отвез бы на квартиру к приятелю, которого попросил бы часок погулять (а были такие девчонки, которые соглашались и на приятеля). С Аллой Давыдов был осторожен и про квартиру еще даже не заикался. Они и выпили всего раз – в каком-то кафе Давыдов, сам себе удивляясь, купил ей бокал вина, и она пила его мелкими глотками весь вечер. «Зато экономно!» – сам над собой посмеялся Давыдов. Прежние его девчонки пили так, что бутылку у них приходилось отбирать.

Алла была хрупкая гибкая блондиночка с длинными кудрявыми волосами. Под свитером Давыдов угадывал красивую грудь, но случая проверить все не представлялось. Давыдов знал, что Алла живет с мамой и надеялся, что когда-нибудь он все же уговорит ее поехать на квартиру.

Про свою работу Давыдов, понятно, рассказывал так, что получалось, будто он ежевечерне рискует жизнью, отбирая у уркаганов ножи и кастеты. Ножи и кастеты и правда валялись у них в трезвяке в столе – иногда ведь попадались и такие, не все интеллигенция. Бывало, что и бросались с этими ножиками на Давыдова. Эти случаи он любил вспоминать. Одного такого героя он скрутил голыми руками, хотя имел при себе дубинку – просто решил попробовать, действительно есть эффект от каратэ или это только в кино. Оказалось, действительно: Давыдов так заехал с разворота ногой в голову, что нападающий сразу отключился и ему потом правили сломанный нос.

По дороге Давыдов попросил Маркова остановить и купил Алле розу – где-то слышал, что женщинам надо покупать цветы. Когда он пришел к ней с цветком в первый раз, с удивлением увидел, что это действует: она улыбнулась и обняла его. Давыдов чувствовал себя как канатоходец в темноте. «Ну ничего, пройду... – успокаивал он себя. – Баба она в концов или нет?».

Он зашел в подъезд, поднялся по темной лестнице наверх, позвонил в дверь, которая довольно быстро распахнулась. Алла была в чем-то таком, от чего Давыдов сразу потерял дар речи. Кружева, что-то просвечивающее и одновременно скрывающее. Узкие белые джинсы туго обтягивали задницу. «Дааааа... – подумал Давыдов, решивший, что Алла оделась так неспроста. – Может, хоть сегодня не будет ломаться?!»..

Когда Алла залезла на заднее сиденье «УАЗ»-ика, Марков удивленно покосился – откуда такая птичка и какие дела могут быть у нее с Давыдовым? Алла поздоровалась со стариком. Тут сзади, из «собачатника», загомонили задержанные. «Командир, выпусти поссать! – орал один. – А то я тебе здесь наделаю!» Давыдов дернулся – вот ведь зоопарк! Он хотел было сказать что-то обычное, но сдержался, обошел машину, открыл дверцу, спросил тихо: «Это кому тут моча в голову ударила?», и когда какой-то мужичок сказал «Ну мне», коротким резким движением саданул ему прямо в лоб. Мужичок осел. Двое других молчали. «Обоссются – вылизывать будете...» – тихо и внушительно сказал Давыдов.

Вернувшись, он залез на переднее сиденье и сказал Алле: «Добро пожаловать в наш цирк зверей!». Видеть происшедшее она не могла – стекло было забрано частой решеткой, да и не мылось много лет, может, всю службу этого «УАЗ» ика.

В вытрезвителе, пока оформляли новоприбывших, Алла сидела в уголке. Тот, кого ударил Давыдов, еще не до конца пришел в себя, мужики держали его под руки. На вопрос Котенко, что это с ним, промывали неразборчивое, глядя на Давыдова, который усмехался им в глаза. Трое этих бедолаг оказались преподавателями какого-то местного вуза, чуть ли не профессорами.

Рассовав их по камерам, Давыдов повел Аллу в подсобку – хотелось и Аллой похвастаться, да и, честно говоря, выпить. Однако в подсобке был уже такой шалман, что Алла явно перепугалась. «Трахнулись уже»... – подумал Давыдов, глядя на Карташова и Уткину, на которой халат был надет, похоже, уже прямо на голое тело.

– Алла, ты не стесняйся, давай выпей, закуси чего-нибудь... – заговорил Давыдов, надеясь, что алкоголь поможет девушке расслабиться.

Тут в коридоре послышался шум, а потом в дверь подсобки постучали и чей-то голос сказал:

– У вас продается славянский шкаф?

– Шкаф продан! – закричал Давыдов. – Осталась только тумбочка!

Дверь распахнулась, ввалились трое. Это были друзья Давыдова и Карташова, одних с ними лет, но немного другого уровня. Все молодые люди принялись обниматься, хлопая друг друга по плечам и спинам.

– А это кто же? – спросил, наконец, один из пришедших, несмотря на молодость, уже полноватый и мордатый блондин.

– А это, Сеня, красивая девушка Алла! – ответил Давыдов. – Алла, знакомься, это мой товарищ Семен Протопопов. – Это, Аллочка, Роман Крейц, а это – Володька Хоркин.

Крейц был высокий, крайне худой, со впалыми щеками – настоящие кожа и кости. При этом он явно чувствовал себя вполне комфортно в этой коже и с этими костями – постоянно улыбался и пошучивал. Хоркин, плотный коренастый коротышка, кинул на Аллу быстрый взгляд, потом так же быстро глянул на Давыдова, и как-то так повел губами, что Алла поняла – Хоркин удивлен.

– Впервые у этого балбеса такая девушка!

– сказал Хоркин, подходя к Алле и протягивая руку. Алла подала свою в ответ, и Хоркин ее поцеловал.

– Ого! – закричал Протопопов. – Антоха, смотри – уведут!

– У меня не уведут! – ответил Давыдов, стараясь, чтобы это звучало грозно. Но вид у него при этом был кислый.

Тут к тому же встряла Уткина – ее обидело, что кому-то там, а не ей, целуют руки.

– А что же это, она одна что ли здесь дама?!

– кричала она.

Хоркин повернулся, внутренне крякнул, увидев Уткину, но не показал виду, подошел и галантно поцеловал руку, которую Уткина ткнула ему прямо в лицо.

Давыдов смотрел на Хоркина хмуро. «Балбес, значит»... – думал Давыдов. На самом деле, это именно из-за Хоркина он вылетел из вуза. Хоркин затеял торговлю анашой, а Давыдов попал в «дело» уже потом. Но когда их взяли, Хоркин упросил Давыдова взять все на себя. «У тебя же вон какой папа, тебе точно ничего не будет, отмажут. А меня погонят из универа на пинках. А у меня отец сердечник и мать постоянно еле жива!...» – лебезил Хоркин. Правда, были еще и деньги – хорошие деньги взял Давыдов с Хоркина за то, что его не сдал. И вот результат: Хоркин учится и скоро будет офицером, а он, Давыдов, до сих пор сержант. «Да и деньги те давно тую-тую...» – подумал Давыдов, пытаясь вспомнить, купил ли он на них хоть что-то путное. Не вспоминалось – видать, не купил.

Налили по первой, потом по второй. Давыдову полегчало. Разговор за столом, как обычно бывает, разбился на группки.

– Я вот тут службу тащу, в гов... извини, Алла, в дерьме по колено вожусь, а вы конспектики пишете, а потом будете бумажки перекладывать с места на место! – объяснял Давыдов Протопопову, плотно войдя в образ человека, который пашет за всех. – А народец-то здесь еще тот. И с ножиками кидаются, и с кастетами. Ну правда, бывает и интеллигенция. Вот только что привезли троих преподавателей из... а, черт, забыл, откуда. Но посмотрю в журнале приема. Вот понадобится Алле зачет или там курсовую сгношить – позвоню я этому препода, разве же он откажет?

Другая компания, Хоркин, Карташов и прислушивающаяся к ним Уткина, тихо говорили про Чечню: вот ввели туда войска еще в ноябре, чем кончится? Карташов был единственный

из всех, кто служил в армии. От этого он важничал и разговаривал так, будто это именно он командует войсками в окрестностях Грозного.

– Раскатают там всех танками! Как два пальца об асфальт! – говорил Карташов. – Да и не будет ничего – побузят, да перестанут. На фига чеченцам война?

Уткиной разговор о танках и чеченцах был неинтересен, зато присутствие соперницы, явно забирающей на себя большую часть мужского внимания, раздражало ее все сильнее.

– Ребята, ребята! А давайте выпьем! – закричала она. Никто не возражал. Быстро налили.

– Выпьем за дам! – прокричала Уткина, косясь на Аллу. – А за «не дам» мы пить не будем!

И визгливо захохотала. Карташов, Крейц, Хоркин, Протопопов тоже грохнули, косясь на Аллу. Давыдов вскипал. Карташов, который был пьянее остальных, прокричал:

– Алла – всем давала!

Алла выглядела как затравленный зверек.

– Да брось ты, не стесняйся, – сказал ей Давыдов, подавая почти до краев наполненную рюмку – ободренный ее джинсами, он решил ускорить процесс: – Вот, вливайся в коллектив!

Алла, хоть и выпила уже чуть-чуть водки, но это не расслабило ее. Она вдруг поняла, что это совсем не та компания, в которой ей хотелось бы оказаться этим вечером.

– Слушай, Антон, мне уже пора... – заговорила она.

– Куда пора? Как пора?! – удивился он. – Что значит – пора? – тут он опомнился и попытался повернуть все в шутку: – Отсюда так просто не уходят, только когда я выпущу!

Этим он напугал ее еще больше.

– Нет, я пойду. Все было отлично, работа у тебя интересная, а друзья замечательные!

– Ух ты, мамзель нами брезгуют! – закричала Уткина. Давыдов резко повернулся в ее сторону, собираясь сказать пару ласковых, но тут еще толстяк Протопопов вставил свое:

– Аллочка, не уходите, а кто же будет танцевать на столе?!

Все, кроме Аллы и Давыдова, покатались от хохота. Давыдов и сам бы в другой день посмеялся – шутка в общем-то как шутка – но тут ему хотелось двинуть Протопопова по лбу.

Алла была уже у дверей. Пока Давыдов выбрался из-за стола, она уже отыскала свою шубейку и быстрым шагом шла к выходу. Котенко ее не удерживал: «Вот мне еще не хватало давыдовских баб ловить» – подумал он не без злорадства: обидно было, что такая девочка достанется этому дураку.

– Алла! Алла! – кричал Давыдов, путаясь в сумках и пакетах. Он выбежал в «приемный покой», потом в коридор, выскочил во двор. Алла уже садилась в марковский «УАЗ» ик. Давыдов бросился к передней двери, схватил ручку, но Марков как раз в этот момент нажал на кнопку, заблокировал дверь, и тронулся с места.

– Стой! Стой! Стой, старый хрен! – кричал Давыдов. Но огоньки машины быстро удалялись. – Твою мать! Вот ты же козел, Николай Степанович!

Он еще постоял – вдруг вернутся? Не возвращались. Злоба кипела в Давыдове. Он и раньше понимал, что Алла – девочка не про него, но объяснял это по-своему. «Был бы я офицерик с папочкой под мышкой – поди не удрала бы! – зло думал он. – А с простым ментом запахло, да?!» Он тут же вспомнил, почему он простой мент – этот хренов Хоркин! Дать что ли ему по башке?

Давыдов вернулся в подсобку. Компания встретила его радостным ржанием: «Не догнал? Что же ты, Антоша, как же так?»

– Нормальные-то люди уже по два раза трахнулись! – кричала Уткина, глядя на раскрасневшегося и улыбающегося Карташова. – А эту фифу ты еще полгода уговаривать будешь!

– Не грузись, Антон, – хлопнул его по плечу Протопопов. – Вот будет хорошая работа – девки сами приложатся. Прикинь, меня зовут в краевое управление по борьбе с экономическими преступлениями (он поднял вверх указательный палец). Ты же представляешь, какие

там деньги ходят?! – и снисходительно добавил: – Это вам не у здешних выпивох мелочь по карманам тырить!

Все снова захохотали. Крейц, почему-то захмелевший сильнее и быстрее других, проговорил:

– А ты, Антоха, мелочь, которую у алкоголиков собираешь, потом в магазине меняешь на бумажки? Я знаю, что те, кто при церкви милостыню просят, так делают!

Он захохотал, считая, что шутка удалась. Захохотали и другие. Давыдов насупился, налил себе одному полстакана и выпил одним глотком. «Суки... Суки»... – подумал он про всех и ни про кого.

Он вдруг вспомнил про летчика в карцере. «Вот с кем хочу выпить!» – вдруг подумалось ему. Он пошел к карцеру и отпер его. Зоценко сидел в углу, пригревшись, в полудреме.

– Эй, летчик, пошли выпьешь с нами! – сказал Давыдов.

«Чего вдруг?» – подумал Зоценко, непонимающе глядя на Давыдова. Тот понял его взгляд и ободряюще махнул рукой: пошли, пошли. Вместе они пришли в подсобку. Только Уткина и Карташов удивились, да и то не очень (Карташов к тому же был уже так пьян, что с трудом фокусировал взгляд) – остальные и не знали, что это задержанный, просто видели, что – новый человек.

– О! Штрафную! Штрафную! – пьяно загудели голоса.

– А ну тихо все! – перекрывая их, прокричал Давыдов. Народ в конце концов умолк.

– Вот мы – ментотня, а это – боевой офицер, летчик, в Афгане воевал. Мы тут у алкашей по карманам шарим, а этот человек кровь свою проливал за мирное небо над нашими пустыми головами! Выпьем! За него! Поклонимся ему!

Все налили, налили и Зоценко. Он удивился, но, подумав, что в России от драки до чествования один шаг, выпил. «Только бы обратно не пошли... – подумал он. – От чествования к драке»...

Ничто, однако, не внушало опасений. Давыдов (они уже познакомились и почти побратались) извинялся и клялся в вечной дружбе. «Если что... Если что... Ты вот звони, и только скажи: «Антоха!» – и я тут как тут»...

– Хорошо, – улыбался в усы Зоценко, отмякнув и глядя на Давыдова, как на пацана – тот и правда годился ему в сыновья.

– Закусывай... – Давыдов подставлял к Зоценко какие-то банки и тарелки. «Откуда запасы?» – удивленно подумал Зоценко. Тут он заметил, что медсестра выскользнула из подсобки, а потом, пару минут спустя, вроде бы покурить вышел один из гостей, толстенький блондин. «А жизнь-то кипит»... – посмеялся про себя Зоценко. Под ухом у него бубнил Давыдов: рассказал, как учился на юрфаке, как его выгнали, намекнул, что погорел ни за что, прикрыл собой одного говнюка.

– Вон тот... – показал он на Хоркина. – И вот он весной будет в офицерских погонах, на чистой работе, а я так и останусь сержантом. Ему в руки все само падает, а от меня, который его своей задницей прикрыл, девчонки носы воротят! Еще бы, я ж в бушлате, от меня кирзой воняет, я на УАЗике, а не в «Волге» с мигалкой! Вот скажи, отец, как быть?

– Ну как... Иди учиться... – степенно ответил Зоценко. Он решил, что раз уж парень попросил совета, то надо говорить с ним всерьез – авось хоть и в пьяном мозгу, а отложится.

– Учиться... Учиться... И еще раз учиться. Как говорил нам великий Ленин... – медленно проговорил Давыдов. Он как-то сразу и сильно опьянел. Он вдруг понял, что жизнь-то свою спустил в унитаз. Кто-то должен был быть в этом виноват.

Тут хлопнула дверь – вернулась Уткина. Протопопов, видать, не расстарался, потому что на лице ее не было умиротворения. Она посмотрела на Зоценко, который был в подсобке самый трезвый, подошла к магнитофону и перекручивала пленку до тех пор, пока не нашла

медляк. Когда музыка, тягучая и плавная, зазвучала, Уткина, покачивая широкими бедрами, двинулись прямо на летчика.

– Потанцуй со мной! – проговорила она, закусывая губу. – Ну потанцуй со мной! Ты знаешь, какие призы я брала! – тут в ее пьяном мозгу что-то перешелкнуло и она продолжила: – А та знаешь, как я брала в рот!

Тут же схватив длинный зеленый тепличный огурец, она, запрокинув голову, стала погружать его себе в глотку и затолкала почти полностью! Давыдов захохотал и захлопал в ладоши. Зощенко смотрел на нее круглыми глазами – даже в гарнизонах, где бывали и бывало всякое, он не видел таких баб.

Уткина, вынув огурец, подошла к Зощенко вплотную и снова забормотала: «Потанцуй! Потанцуй!».

– Слушайте, не могу... – ответил, приложив руку к груди, Зощенко. – Вы же видели, как меня помяли. Не могу, извините...

Уткина обозлилась.

– Антоша, накажи его, он не хочет танцевать с дамой... – протянула он голосом обиженной нимфетки.

Давыдов, вот только что хохотавший над тем, как она заглотнула огурец, мгновенно помрачнел и, повернувшись к Зощенко, сердито сказал:

– Что, летчик, рыло воротишь? Тебя в компанию позвали, а ты нашими бабами брезгуешь?!

Не успел Зощенко ответить, как Давыдов резко ударил его прямо в лицо. Зощенко слетел со стула, и, поднимаясь, проговорил:

– Да ты ошалел, сопляк, я тебе в отцы гожусь!

– На хую я видал таких отцов! – закричал Давыдов. Отца он и правда ненавидел – не мог простить того, что тот не отмазал его полностью.

Протопопов и Хоркин захохотали. Уткина, уже вряд ли что-то соображающая, вдруг заголосила:

– Трахните, мальчики, это козла! Если он не хочет такую женщину как я, так он точно пидор!

Протопопов закричал: «Точно, трахнем деда!»

Зощенко, хоть такие резкие перемены не уместались в голове, понял, что дело плохо и надо драться. Он увидел рядом бутылку, схватил ее и ударил того, кто был ближе – Протопопова – по голове. Протопопов рухнул. Хоркин и Давыдов бросились на Зощенко. Уткина выбежала с криком «Убивают!». Зощенко был трезвее молодых ментов, да Протопопов был к тому же явно не герой – пыл его почти сразу прошел. Зощенко двинул Хоркину по голове, того отбросило к стене. Давыдов все прилаживался достать Зощенко ногой, но мешал стол. Зощенко двинул стол на Давыдова, приперев его к стенке, и бросился к двери. Он уже выскочил в «приемный покой», но как раз в этот момент на его пути оказался Котенко с резиновой дубинкой. С размаху Котенко ударил Зощенко по голове.

– Ааа, сука! – взревел Зощенко, и этот крик в своей камере услышали Кутузов и Ураганов. Тут сзади на Зощенко бросился выбравшийся из-за стола Давыдов, да еще выбежал Хоркин. Зощенко упал. Его лупили ногами и дубинкой, он пробовал встать, и не успевал. Из подсобки, шатаясь, вышли еще и Крейц с Карташовым. Карташов вдруг вспомнил, что когда-то учился рукопашному бою и заорал: «Да как вы бьете, вы же так не убьете его никогда!» После этих слов он с размаху двинул Зощенко кулаком по затылку. Зощенко упал лицом в пол.

– Вы что, суки?! – закричал из камеры Кутузов, подошедший к двери и силившийся разглядеть или расслышать хоть что-нибудь. – Пидоры ментовские!

Кутузова, обычно молчаливого, вдруг прорвало. Такое редко с ним бывало, но тут он не мог сдержаться. Вечер и так закончился наперекосяк, а теперь и вовсе происходило то, что не умещалось в голове.

– Козлы! – заорал он.

Замок камеры загремел – вошел Котенко, оглянулся, понял, что кричал Кутузов, и резко ударил его дубинкой по голове. Кутузов упал.

– Как его зовут? – спросил Котенко Ураганова.

– Кутузов... Кутузов... – отвечал растерявшийся Ураганов.

– С утра сдадим и этого, и того в РОВД за сопротивление милиции! – сказал Котенко.

Он посмотрел на Ураганова. Тот отвел глаза. Котенко усмехнулся.

Тут в камеру забежал Давыдов.

– Это кто тут орал?! – начал он.

– Вон тот, – указал дубинкой Котенко и произнес с сарказмом, по слогам: – Ку-ту-зов!

Давыдов наклонился над лежащим летчиком и проорал ему в ухо:

– Ну что, полководец Кутузов, каково тебе?

Кутузов не реагировал.

– Что же вы его так сильно, Константин Павлович, даже неинтересно! – сказал Давыдов.

Они оба вышли, замок лязгнул, закрываясь. Тут Давыдову пришла в голову забавная по его мнению идея – он отстегнул от пояса газовый баллончик, прокричал в камеру «С наступающим!» и выпустил внутрь струю «черемухи». В камере закашлялись и заматерились. Давыдов довольный отошел.

Котенко вышел в «приемный покой» и увидел, что Зощенко силится приподняться. Он тут же ударил его дубинкой до шее. Протопопов и Хоркин пинали летчика с двух сторон. В этот самый момент в помещение зашел Марков – он отвез Аллу, кое-как успокоил ее, и теперь, деваться некуда, вернулся на дежурство. От открывшейся перед ним картины Марков остолбенел.

– Да вы что делаете, сдурели совсем? – закричал Марков, бросаясь к Котенко и пытаясь перехватить его руку с дубинкой.

– Уйди, дед! – закричал Протопопов, хватая Маркова за бушлат и отбрасывая в сторону с неожиданной силой. – Этот хер мне бутылкой по башке заехал – что ж нам с ним, песни петь? Шас Афганистан поболит у него в душе!

Марков бросился в свалку снова, но тут Хоркин ударил старика с размаху в челюсть и Марков выключился.

Зощенко, передохнувший то мгновение, когда Марков вмешался в драку, снова попытался встать. Ему казалось, что это главное, а там уж он как-нибудь управится с ними. В конце концов, бывало и не такое – по молодости Зощенко дрался много. Однако вставать не давали. На голову сыпались удары, и ладно бы только кулаками – дежурный методично бил дубинкой, в нескольких местах уже раскроив кожу. Кровь заливала летчику глаза. Тут он изловчился, схватил чьи-то ноги и дернул. Кто-то с криком и матерками упал. Зощенко начал подниматься, но прямой удар в лицо опрокинул его. Приходя в себя он вдруг услышал, как кто-то поет: «Офицеры, офицеры! Ваше сердце под прицелом!» Кое-как разлепив веки, он разглядел, что это тот молодой мент, на которого наткнулся Кутузов уже таким далеким вечером. Мент достал зажигалку, зажег ее и раскачивался, как на концерте.

– За Россию и свободу до конца! – пел он.

– Да вы люди или кто?! – в ужасе воскликнул Зощенко.

Тут его подхватили под руки и подняли. Он увидел, что прямо перед ним стоит Давыдов.

– Ну что, папаша, учиться, учиться и учиться, говоришь?... – задумчиво проговорил Давыдов, слегка подпрыгивая на носках и приняв боевую стойку. – Вот сейчас и поучимся. Поднимите его повыше, пацаны. Смотрите – вот это маваша гери!

И тут все тело его пружинисто двинулось, он махнул ногой. Удар был мгновенный, но всем казалось, что он тянулся не меньше минуты. Голова Зоценко мотнулась так, что казалось – оторвется. Зоценко обмяк. Из рта его текла густая кровь.

– Блин, вырубился! – с сожалением сказал Давыдов.

– Да и хрен с ним... – сказал Крейц, который вместе с Хоркиным держал Зоценко под руки. – И так весь свитер мне его кровью забрызгали. Свитер-то новый! Мне его как теперь отстирывать?!

– Холодной водой замой... – сказала ему Уткина, и тут же игриво добавила: – Пошли, помогу...

Крейц с трудом перевел на нее взгляд.

– Сначала выпьем...

Они с Хоркиным бросили Зоценко на пол и все, переступая через него и задевая ботинками и сапогами, пошли в подсобку...

Глава 4

... В восемь утра начали выпускать. Зощенко к этому времени убрали из «приемного покоя», кинув во все тот же карцер. Он там пришел в себя и сидел в углу. Голова гудела. Волосы, лицо, одежда, руки – все было в крови. В первые минуты, как очнулся, Зощенко решил, что он на войне, его сбили, он выпрыгнул с парашютом и лежит сейчас на афганских камнях. Но потом он все вспомнил и подумал: «Лучше бы и правда сбили»...

Из карцера он слышал, как в «приемном покое» переругивались – кому-то надо было мыть пол. Потом по коридору затопали сапоги, загремели ключи в замках. В коридоре загомонили – задержанным раздавали одежду. «Ну наконец-то... – подумал Зощенко. – К прокурору пойду. Вы у меня попляшете!»...

Дверь карцера заскрипела. Карташов, покачиваясь, заглянул внутрь.

– Живой? – поинтересовался Карташов. – Это ты не мне попался. Давыдов разве же бьет? Давыдов гладит. Он же спортсмен. Если бы я тебе дал по башке, тебя бы откачивали до сих пор...

Под это самодовольное бормотание Зощенко вышел из карцера. В коридоре ему сунули в руку куртку, шапку и ботинки. Так, со всем этим имуществом в руках, он подошел к столу дежурного. В очереди он увидел Кутузова и Ураганова. По тому, как они на него смотрели, Зощенко понял, что выглядит не фонтан.

– Сильно они меня? – спросил он.

– Ну... Так... – уклончиво ответил Кутузов. – Башка гудит?

– Еще бы... – проговорил Зощенко. – Повернуть больно. Все болит. Пинали, суки...

Ураганов молчал. Зощенко и Кутузов разговаривали так, будто его, Ураганова, и не было рядом. Ураганов понимал, что Кутузов имеет на это право – все же и ему досталось. «Ну а что я? Броситься на дежурного надо было что ли? Ну дали бы и мне по башке – толку-то»... – думал он, хотя и понимал, что надо было все же броситься, получить по башке и сейчас тихонько, сквозь боль, посмеиваться над всем этим вместе с мужиками.

Тут где-то сбоку раздался шум, все трое оглянулись – из-за двери с надписью «Медсестра» вывалился худой молодой парень, согнувшийся едва ли не вдвое. По всему видно было, что он с трудом удерживает рвотные позывы. За ним выбежал второй, коренастый и спортивный.

– Крейц, Крейц, не здесь, твою мать, дотяни до туалета! – кричал этот второй. Торопливо гремя ботинками, они ушли в конец коридора.

– Даааа... – сказал Кутузов. – Тоже ведь защитники правопорядка...

– Вот эти хреновы защитники и метелили меня сегодня... – поморщился от боли Зощенко. – Этот Крейц за руки держал, а второй, Хоркин, сзади бросился. Там еще был какой-то Протопопов, я ему башку бутылкой разбил.

– Это когда же ты с ними познакомился? – удивился Кутузов.

– Так поначалу все было пристойно: «Батя, выпей с нами!». Вон тот, Давыдов (Давыдов как раз вышел в «приемный покой»), за меня тосты поднимал... – ответил Зощенко. – А потом они как с цепи сорвались. Молодые. Пить не умеют.

Очередь Зощенко подошла первой. Котенко похмельно посмотрел на него, хмыкнул, залез в ящик и выложил на стол документы и ключи.

– А деньги? – спросил Зощенко.

– Какие деньги? – с деланным удивлением переспросил Котенко. – Вот все, что было у вас в карманах на момент задержания. Вы же лыка не вязали, падали при ходьбе – вон и голова разбита.

Он и Зощенко молча посмотрели друг другу в глаза. «Ладно, припомню, подавишься ты этими деньгами...» – думал Зощенко. «Заяву на меня напишешь? Пиши, пиши...» – думал Котенко.

– А подарки? – спросил Зощенко.

– Ах, подарки! – «вспомнил» Котенко. – Вот.

Он выставил на стол пакет. Зощенко открыл его. Предназначавшийся жене халат был весь в крови – видно, как раз им и подтирали пол в «приемном покое». Коробка с самолетом была раздавлена, кукла разломана. Зощенко поднял на Котенко тяжелый взгляд. Тот с любопытством ждал. Однако Зощенко молчал.

– Распишитесь в получении... – сказал, наконец, Котенко.

– Пошел ты... Ты уже сам везде расписался...

– А, опять неуважение к представителю закона, к органам охраны правопорядка! – с удовольствием засмеялся Котенко. – Надо бы тебя в РОВД вместе с дружкой, да возиться неохота. Оцени: мы даже не стали писать на вас протокол. Хотя ты ведь Протопопову чуть череп бутылкой не проломил.

– Жаль, что не проломил... – медленно проговорил Зощенко и отошел к скамейкам, на которых одевались и обувались.

Через несколько минут к нему подошел сумрачный Кутузов – у него тоже вычистили карманы, оставив только на проезд. Ураганов после этого рад был, что хотя бы дубленка его цела и лакированные туфли, например, не обоссаны. «С них бы случилось...» – думал он. Пуще дубленки и туфель беспокоила его участь машины – на месте ли?

Втроем они медленно пошли на выход. На улице, на утреннем морозе, сразу стало легче. Зощенко заметил, как от машины на них грустно смотрит милицейский старшина. Он вспомнил, что дед вроде бы заступался за него и махнул ему рукой.

Они пошли по дорожке. Ураганов от нетерпения все забегал вперед, и потом дожидался их – все же неудобно было. Кое-как проковыляв вдоль квартала, они повернули и почти сразу вышли на базар. Ураганов увидел, что его машина стоит на месте и почувствовал счастье. Когда они добрались до джипа, Ураганов первым делом осмотрел его бока – не нацарапали ли чего? Все было цело и чисто.

– Ребята, садитесь, довезу... – сказал Ураганов. Зощенко и Кутузов полезли в машину. Они молча поехали по городу, оглядывая его еще пустые улицы.

– Дааа, блин, встреча выпускников... – проговорил Зощенко, улыбнувшись.

– Будет что вспомнить... – держась за голову, поддержал его Кутузов.

Ураганов посмотрел на них в зеркало заднего вида – вроде бы ребята не держали на него зла. «Ну а что я мог? – подумал он. – Дали бы и мне по башке, кто бы сейчас машину вел?»...

– Может, заедем ко мне, поправим здоровье, а? – предложил он.

– Нет, домой. Домой... – ответил Зощенко. Кутузов закивал – домой.

Глава 5

Дочери Зощенко Наташе было восемь лет. У нее были волосы кудряшками и то синие, то серо-стальные, а то голубые глаза. Оба – отец и дочь – любили друг друга без памяти. Когда вчера отец не пришел и мама начала куда-то звонить с заплаканными глазами, Наташа поняла – что-то не так. В этот вечер они с отцом собирались на каток, но Наташа расстроилась не из-за того, что катка не будет, а из-за того, что с папой могло случиться нехорошее. Старший брат, Руслан, которому было почти семнадцать, напротив, не обеспокоился.

– Мам, ну что ты, взрослый человек... Ну загулял чуток... – увещевал он мать, стараясь не пропустить ничего в телевизоре. – С кем не бывает.

– Вот с ним и не бывает... – отвечала мать. – Никогда не загуливал, а тут вдруг загулял?

– Ну надо же начинать когда-то... – отвечал Руслан.

– Ты что такое про отца говоришь? И это откуда ты таких слов поднабрался – «загулял»? – вдруг на минуту оторвавшись от нехороших мыслей, удивилась мать. – Это вас таким словам в школе что ли теперь учат?

Жену Зощенко звали Лидия. Они познакомились еще когда он учился в училище – именно к ней он лазил на свидания из казарменного окна по кленам. Зощенко нравился ей подтянутостью, своими, тогда еще юношескими, усами, голубыми глазами. Сама Лидия жила с родителями в маленькой квартирке, училась в педагогическом. Родители, узнав о ее курсанте, дали добро – офицер по советским временам считался отличной партией: зарплата вдвое больше обычной советской, да сразу (или почти сразу) по прибытии к месту службы офицеру давали квартиру. За долгие годы мира после Великой Отечественной все как-то привыкли к тому, что офицер – это просто профессия, чуть ли не как водитель. Как-то и в голову не приходило, что профессия офицера – воевать. Но потом началась война, и все встало на свои места.

Лидия с детьми – сначала с сыном, а потом появилась и дочь – жили в гарнизоне на территории Азербайджана с другими семьями летчиков. Война шла «за речкой», за речкой были их мужья. Штурмовик – быстрая птица, но и их душманам удавалось сбивать. Женщины и дети жили одной семьей, в которой, как в любой большой семье, бывало разное. Когда кому-то из мужей удавалось приехать к семье на два-три дня, первый день уходил на то, чтобы рассказать всем об их мужьях – как себя чувствуют, что едят, как спят, не болеют ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.